

РАЗУМ И ЗАКОНЫ ПРИРОДЫ В РАССКАЗАХ И ПОВЕСТЯХ

М. БУЛГАКОВА 20-Х ГОДОВ

Сухих Ольга Станиславовна

Д. филол. наук, доцент кафедры русской литературы

ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород

ruslitxx@list.ru

В сб.: Евразийский Союз Учёных (ЕСУ): ежемесячный научный журнал. 2015. № 3 (12).

Часть 6. С. 80-81. http://euroasia-science.ru/files/arhiv/27-28.03.2015/evro_12_p6.pdf#page=80

В произведениях М.А. Булгакова 20-х гг. часто затрагивается медицинская тематика, что, без сомнений, связано с автобиографическим началом в его творчестве. Для профессии врача (в том числе и экспериментатора) характерна опора на рациональное осмысление мира и природы человека, на «земной, эвклидовский» разум, как выразился Иван Карамазов у Достоевского. Однако оценка рационализма в булгаковских произведениях не однолинейна: он подходит к этой проблеме с различных точек зрения.

В цикле «Записки юного врача» автобиографический герой оказывается в таких ситуациях, когда может опираться лишь на знания и профессиональный долг. Здесь его разум, его образование, умение чётко действовать становятся зачастую единственным шансом на спасение для страдающего человека. Не случайно писатель отмечает, что в экстремальных условиях, когда пациент на грани жизни и смерти, а доктору не хватает опыта и уверенности, действовать начинает как бы даже не он сам, а его разум: «За меня работал только мой здравый смысл, подхлестнутый необычайностью обстановки» [2, с. 418]. Кроме того, в «Записках юного врача» велика роль антитезы разума и «тьмы египетской», и этот приём тоже подчёркивает спасительную силу интеллекта, знания (тем более знания, подкреплённого практикой), образованности. Разум врача становится в этом контексте не только спасением для конкретного пациента, но и своеобразным «инструментом» просвещения, помогающего сделать жизнь более цивилизованной: «Потянулась плененою тьма египетская... и в ней будто

бы я... не то с мечом, не то со стетоскопом. Иду... борюсь...» [4, с. 456]. Этот неясный образ из сна доктора – нечто среднее между мечом и стетоскопом – и есть символ разума как единственного «орудия» просвещения, как единственного спасения от мрака и гибели. Концептуальная идея «Записок юного врача» заключается в том, что природа – в том числе природа человека как биологического существа – несовершенна, а разум дан человеку как возможность противостоять природе, вмешаться в её жизнь и вступить в борьбу с её несовершенствами.

Принципиально иной подход к проблеме разума и природы мы видим в повестях «Роковые яйца» и «Собачье сердце». Одна из центральных тем этих произведений – попытка человека подняться над теми возможностями познания, которые даны ему природой. Это даёт возможность исследователям сопоставить булгаковского биолога-экспериментатора с Фаустом Гёте [9]. В русской литературе данная тема тоже затрагивалась, и не раз. Стоит вспомнить тургеневский роман «Отцы и дети» или стихотворение Ф.И. Тютчева «Фонтан»: в обоих случаях авторы акцентируют внимание на том, что человек может ставить перед собой великие цели, выходящие за пределы, поставленные самой природой, но в результате терпит поражение:

О, смертной мысли водомёт,
О водомёт неистощимый!
Какой закон непостижимый
Тебя стремится, тебя мятёт?
Как жадно к небу рвёшься ты!..
Но длань незримо-роковая,
Твой луч упорный преломляя,
Свергает в брызгах с высоты.

(Тютчев Ф.И. «Фонтан») [8, с. 64]

И Персигов в «Роковых яйцах», и Преображенский в «Собачьем сердце» рассматривают знание, науку как способ движения человека вперёд по пути совершенствования природы. Персигов открывает «луч новой жизни» - так назы-

вает это физическое явление журналист, берущий у него интервью. И это вызывает ассоциацию с «лучом упорным», лучом «смертной мысли», о котором писал Ф.И. Тютчев. Понятие «новой жизни» в формулировке открытия Персикова тоже не случайно: учёный своим экспериментом вступает в спор с теми законами, которые уже сложилась в реальности, и стремится утвердить возможность рождения некой новой формы существования, с новыми закономерностями: «Речь здесь идет не о законах "нормальной", земной, биологической жизни, а о "противоестественных" законах макро- и микромира» [6]. Преображенский же занимается проблемой омоложения, он заботится «об улучшении человеческой породы». Непреложный закон природы – это старение и смертность человека, но герой Булгакова стремится опровергнуть его и сделать человека как биологический организм более совершенным. В обоих случаях учёный руководствуется убеждением, что разум дан человеку, чтобы изменить жизнь к лучшему.

Однако и в том, и в другом произведении сюжет строится таким образом, что рационализм героя приводит не к достижению благой цели, а к катастрофе. Как пишет известный исследователь булгаковского творчества В. Сахаров, «есть в фантастической прозе Булгакова неожиданная, глубоко спрятанная грусть, скептическая мудрость и трагизм» [7]. Трагизм этот связан не в последнюю очередь с несовпадением целей героев и тех результатов, к которым приводит их «чистый разум», способный бросить вызов самой природе. В «Собачьем сердце» Преображенский говорит Борменталю: «Вот, доктор, что получается, когда исследователь вместо того, чтобы идти параллельно и ощупью с природой, форсирует вопрос и приподымает завесу: на, получай Шарикова и ешь его с кашей!» [3, с. 133]. Если учесть, что сама по себе операция, проведённая Преображенским и Борменталем, является аллегорией революции, то герои сыграли «роль творцов антипреображения, то есть революции, в ходе которой над народом была проведена зловещая кровавая “операция”» [5, с. 29]. В этом аспекте перед нами снова проблема разума и его противопоставления природе, но уже в рамках социального эксперимента. Революция, с точки зрения Булга-

кова, является порождением самонадеянного разума, тогда как эволюция – это следование законам природы. Стремление разума победить эти законы и ведет к трагедии, как это показано и в «Роковых яйцах», и в «Собачьем сердце».

Причина такой ситуации видится писателю в том, что ум человека, с одной стороны, достигает грандиозной высоты в познании, а с другой стороны, он же оказывается ограниченным в том смысле, что учёный слишком узко понимает значение своего эксперимента: рассматривает лишь его научную сторону и не предвидит социальных последствий. Получается, что разум, стремящийся лишь «ввысь», становится не спасительной (как было в «Записках юного врача»), а губительной силой.

С этой точки зрения к повестям «Роковые яйца» и «Собачье сердце» примыкает и «Морфий». Здесь в качестве одного из проявлений силы человеческого разума и его возможностей рассматривается изобретения одного из сильнейших лекарств – морфия. Первоначально доктор Поляков, герой произведения, пишет о нём как о чудодейственном средстве, способном избавить человека не только от физической, но и от душевной боли. Это доказательство достижений человека, способного с помощью завоеваний разума преодолеть несовершенство природы. Но впоследствии, уже страдая от страшной наркотической зависимости, герой с горечью и трагическим отчаянием сетует: «Изобрели морфий, вытянули его из высохших, щёлкающих головок божественного растения, ну так найдите же способ и лечить без мучений» [1, с. 488]. Возможности разума человеческого оказались небезграничными: изобретение его стало не только инструментом борьбы со злом – болезнью, но и источником новой болезни – нового зла, и человек не нашёл способа его победить. Следовательно, человек стал жертвой собственного разума, его стремления к изменению закономерностей бытия. Учитывая эту мысль, мы можем утверждать, что «Морфий», который иногда относят к «Запискам юного врача», на самом деле по своему идейному «заряду» весьма далёк от этого цикла. В отношении проблемы разума он гораздо ближе к написанным ранее повестям «Роковые яйца» и «Собачье сердце».

Список литературы:

1. Булгаков М.А. Морфий // Булгаков М.А. Белая гвардия. Жизнь господина де Мольера. Рассказы. Минск: Мастацкая літаратура, 1985. – С. 468 – 497.
2. Булгаков М.А. Полотенце с петухом // Булгаков М.А. Белая гвардия. Жизнь господина де Мольера. Рассказы. Минск: Мастацкая літаратура, 1985. – С. 409 – 420.
3. Булгаков М.А. Собачье сердце // Булгаков М.А. Из лучших произведений. М.: ИЗОФАКС, 1993. – С. 57-149.
4. Булгаков М.А. Тьма египетская // Булгаков М.А. Белая гвардия. Жизнь господина де Мольера. Рассказы. Минск: Мастацкая літаратура, 1985. – С. 448 – 456.
5. Лосев В. Вещие сны // Булгаков М.А. Из лучших произведений. М.: ИЗОФАКС, 1993. – С. 5-52.
6. Панфилов А.Ю. Булгаков и Эйнштейн (о повести «Роковые яйца») [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://samlib.ru/p/panfilow_a_j/panorama.shtml (дата обращения: 16.03.2015).
7. Сахаров В. Сатира должна идти до конца [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bulgakov.net.ru/llb-ar-author-122/> (дата обращения: 16.03.2015).
8. Тютчев Ф.И. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М.: Правда, 1988. – 480 с.
9. Шор Г.А. Рецепция «Фауста» И. В. Гёте в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца» // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2007. № 53. Выпуск 14. – С. 44-51.